

ГВЕНДОЛИН ДОУ

Ловя отражение Луны ♦2

NoSugar Books
Москва

АКТ 3

ДЕМОНА ПОРОЖДАЕТ РАЗУМ

*...А кто-то в саду на флейте играет опять,
опять мне глубокой тоски не унять.
Того, кто досаду и грусть
разделил бы, со мной — рядом нет,
Но верно дорога сотрет
следы испытаний минувших и бед,
Останутся все же стихи...
В окно приоткрытое светит луна,
И блики кружат,
и вновь вдохновляет весна.*

*Ли Цинчжао,
мелодия «Маньтинфан —
Благоухающий цветущий садик»
Перевод: Алексеева Алена*

ГЛАВА 1. КАК НЕТ ДОБРА БЕЗ ЗЛА, ТАК И ХОРОШЕГО ДЕЛА НЕ БЫВАЕТ БЕЗ ТРУДНОСТЕЙ

Три года спустя

— **В**от бы стать пастушком беззаботным! Пастушок Ма поднял взгляд на устроившегося рядом незнакомца. Тот оказался широкоплечим молодым мужчиной с усмешкой на губах и совершенным безобразием на голове: лохматые волосы едва удалось собрать в высокий хвост и закрепить простым гуанем. Он смотрел прямо перед собой, редко моргая.

Мальчик Ма не нашелся с ответом, потому продолжил наблюдать за своими овечками. Они мирно паслись на живописном склоне горы, с одной стороны окруженном лесной порослью, а с другой очерченным протоптанной дорогой. Изредка этим путем шел торговец или чиновник со своими шумными, нагруженными богатствами повозками. Иногда проходил монах или вольный путник. Но никто никогда не обращал внимания на скромного пастушка, облюбовавшего это место для выпаса овечек.

Снег стоял еще новогодней порой¹, но молодая трава проросла и окрепла лишь недавно. Весенним утром еще

¹ В китайской культуре его также называют Лунным Новым годом, Весенним фестивалем или Праздником весны (Чуньцзе). Новый год считается началом весны.

было прохладно и туманно, потому мальчик Ма прихватил из дома легкую курточку.

— Вы держите путь в Лицзян¹, господин? — Он коснулся козырька соломенной шляпы, здороваясь со старшим.

— Верно, — ответил мужчина.

Овечки с наслаждением похрустывали свежей травой, на которой еще блестела утренняя роса. Некоторым приходилось припадать на локти и колени, смешно вытягивая шею. Свисали небрежно обрезанные нити. Головы животных периодически дрожали и вскидывались, словно они хотели закричать, но пастушок стучал пальцем по палочке, и головы послушно опускались.

Кожа на коленях и руках овец стерлась и покрылась плотной коркой из засохшей крови.

— О, у тебя должен быть посох, раз ты пастушок. Какое у него имя? — улыбаясь, спросил незнакомец. Мальчишка Ма пригляделся и понял, что глаза у странного человека мутные, словно в них плеснули молока. Тогда он решил, что незнакомец, видимо, слеп и просто умело ориентируется. Открытие немного успокоило пастушка.

— Драчун.

— Хорошее имя. А вот мой — Ван Ю².

С этими словами мужчина подхватил свое оружие, которое до того положил аккуратно позади себя.

Тускло засияли золотом знаки, вырезанные на деревянной основе. Янская энергия обожгла мальчишке лицо, и он отпрянул, хватаясь за палочку. Кожа слезла со щек, и они стали бугристыми, засочились кровью. Взгляд бледных и, как пастушку Ма показалось до этого, слепых глаз был направлен прямо на него.

— И какое же зло они тебе сделали? — спросил незнакомый заклинатель. — Безобразник, твоя иллюзия такая слабая, она бы не обманула даже младшего адепта!

¹ Древний город Лицзян — город в южной провинции Юньнань.

² 忘忧 [wàngyōu] Ван Ю — забытая тоска.

Пастушок выставил посох перед собой в защитном жесте. Оправдываться перед тем, кто видит его природу, смысла не было.

— Клан заклинателей, которому принадлежат эти земли, не беспокоится о духах, пока за это не заплатят лянном-другим! — возмущенно воскликнул он. — Потому я и решил, что мне ничего не будет! Я умер ребенком, и моя душа скиталась, пока не нашла новое пристанище в заболевшем сыне пастуха.

Он сконфуженно замолчал, словно действительно чувствовал вину за совершенное преступление. Его овцы — а точнее, то, что от них осталось, — мирно паслись под властью иллюзии. Как же не повезло, что именно сегодня мимо проходили проклятые даосы!

— Так что они сделали, дух? — насмешливо спросил заклинатель.

— Это мои односельчане. Позавчера они напились, во-рвались к отцу и отобрали несколько овец, а затем съели! Звери! — Дух нахмурился в гневе, отчего черты мальчишеского лица уродливо исказились. Он покраснел от злости, еще сильнее закровоточили щечки. — Наутро они проспались и принесли обратно головы. Все, что осталось. Признали свою вину, и старейшина даже вынес им наказание, но как вернуть моих овечек? Разве это не несправедливость, господин даос? Я исправил недоразумение, и теперь в стаде столько же голов, сколько и было. Разве это не поступок искренне заботящегося сына?

Молодой заклинатель — он же Мо Ян, Мо Юэчэнь в совершеннолети — посмотрел на стадо овец. Действительно, все головы были на месте. Но лишь головы. Среди очаровательных барашков затесались четыре человеческих тела, передвигающихся на четвереньках. Воловий взгляд скота, стекающая с губ слюна с сукровицей — страшное зрелище на безмятежной полянке среди пробуждающихся от зимнего сна гор.

Одна из таких овец-чудищ посмотрела на Мо Яна, а затем склонила голову и продолжила рвать траву. Кровь

из разодранных локтей кормила землю, но боли человек не ощущал и никак не показывал страданий. Вполне возможно, что он был мертв и лишь подражал живому.

— Стоит разобраться с тобой до того, как это безобразие увидит мой напарник, — сказал Мо Ян, медленно концентрируя ци в ладони. — Возвращаясь в истоки Желтой реки¹, вспомни о своих злодеяниях и раскайся как следует перед судьями.

Пастушок Ма так просто сдаваться не собирался. Взмахнув палочкой, он повелел овцам-чудовищам немедленно броситься на заклинателя. Голосовые связки и кое-как пришитые мышцы несчастных жертв напряглись, чтобы издать подобие крика. Они попытались сбить Мо Яна с ног, но тот без проблем уклонился от нападения, концентрируя ци в печати изгнания. Одну из таких овечек он стукнул по голове наверху своего чангуня², и та упала без сознания. Потом еще одну и еще. Жертвы «справедливости» духа потеряли равновесие и перестали быть угрозой. Даже как-то грустно. Стоило отдать должное малышу-духу, который не струсил перед даосом и не сбежал.

Почувствовав, насколько превосходит его в силе противник, дух мог лишь опустить голову и покориться. Печать изгнания зла была почти готова.

— Вот бы я мог переродиться в настоящего пастушка и дальше беззаботно вести свою жизнь! Незнакомый заклинатель, я лишь прошу вернуть стадо к отцу! — взмолился он.

Мо Юэчэнь хотел было закатить глаза на последнюю просьбу духа, но удержал себя от неблагородных жестов. Сконцентрировав ци, он направил печать изгнания на лоб одержимого.

¹ Желтые источники (Хуанцюань) — это одно из названий Диюя, подземного царства мертвых в китайской мифологии.

² Чангунь — шест или посох, длина которого может быть значительно больше человеческого роста.

— Даю слово, что все до последней будут возвращены домой.

Дух белой дымкой вылетел из раскрытых глаз и рта пастушка Ма, оставив тело несчастного валяться в траве. Разве что кожа содрана со щек и рук, разве что человеческого мальчишку еще какое-то время будут преследовать невзгоды и кошмары. Проверив пульсы юноши, заклинатель убедился, что тот остался в живых. Оскверненные тела людей рухнули замертво, испугав пробужденных от иллюзии настоящих овечек. Те, блея, побежали в рощи.

Мо Ян посмотрел на беспорядок, учиненный его благими намерениями, и вздохнул.

— Видимо, прав был учитель Бай — хорошим делам предстоит множество испытаний¹.

Гу Минь обнаружил Мо Яна спустя время. Тот как раз кое-как нашел дорогу к небольшому поселению и даже приспособил свой благородный чангунь для сгона скота. Овечек у мальчишки Ма было немного, каждая голова на счету — неудивительно, что дух разозлился и навел порядок как умел. Пришлось усмирить их с помощью ци, и теперь белые морды не сопротивлялись возвращению домой. Некоторые даже тыкались заклинателю розовыми носами в ладонь, требуя вкусенького.

Мо Юэчэнь как раз наблюдал, как скот, блея и жалуясь, бредет к знакомым постройкам, когда на его плечо опустилась рука.

— Я видел изувеченные тела на пути, — сказал Гу Минь.

— Цзэсинь! Пока ты меня догонял, твой старший уже успел спасти Поднебесную от ужасного демона! — Мо

¹ Фразеологизм (好事多磨) — нет добра без зла, хорошее дело не бывает без сложностей.

Ян обернулся и широко ему улыбнулся. Блеснули белые клыки.

Гу Минь, в совершеннолетию носящий имя Гу Цзэсинь, убрал руку с плеча Мо Яна и вышел перед ним. За последние три года маленький шиди заметно вытянулся и возмужал, впрочем, так не обойдя в росте своего старшего. Красивые черты лица, сосредоточенный взгляд и едва заметные, словно игривый намек между строк, веснушки на скулах. Когда он злился, его голос звучал подобно грому, но в быту он говорил тихо и спокойно, соблюдая правила вежливости.

Этот тигр, у которого выросли крылья¹ под именем лука Юангуан, был в полушаге от того, чтобы стать небожителем. О его сражениях с демонами уже стали рассказывать в городах, и истории о молодом заклинателе, лицом так похожем на Небесного Генерала Гуань Фэя, полнили цзянху.

— Мы можем спросить в поселении, как пройти к Лицзян, — сказал Гу Минь, — заодно вернем мальчика старосте.

Мо Ян кивнул, и они занялись делом. Мальчишку Ма нес Мо Юэчэнь, а Гу Цзэсинь следил, чтобы оставшееся стадо не разбредалось. Пастух бы из него вышел гораздо хуже небожителя.

Путь заклинателей пролегал через рощу. Ветви деревьев над тропой переплетались, словно прутья темницы. Солнечные лучи пробивались сквозь листья, падали светлыми мазками на землю. Один из них упал на фамильный золотой гуань впереди идущего Гу Миня, и отблеск на миг ослепил Мо Яна. Он задумался о том, как же они очутились так далеко от Трехглавой горы, в совершенно чужих владениях.

Он, Мо Юэчэнь, и сам преуспел во многом, в чем только может преуспеть презренный пес с несчастливой

¹ Идиома «тигр, у которого выросли крылья», применяется в значении «помогать и без того сильному, преисполниться новых сил».

судьбой. Императорская охота под началом дворца Желтых Цветов, на которую три года назад отправили юных заклинателей представлять школы Трехглавой горы, прошла спокойно и, можно сказать, особенными событиями не отличилась.

Юный заклинатель впервые так близко видел глав великих кланов, столько роскоши, богатств, изысканных кушаний. В столице он несколько раз терялся и терял лицо, возвращаясь по темноте к себе. Приехавшим заклинателям отвели комнаты в роскошном постоялом дворе, окружили заботой и вниманием. Конечно, в Запретном городе они не ночевали, но жили в ближайшем квартале. А какие в столице библиотеки, какие книжные лавки! Тогда Мо Ян чуть вновь не опустился до воровства.

Что касается самих соревнований... они не представляли из себя ничего особенного. Кроме охоты на специально отловленных по всей Поднебесной тварей и духов, были также соревнования в боевых умениях и шести искусствах¹. Представление ради представления — очередной повод для политических интриг за ширмой, не больше. Мо Ян откровенно скучал и мучился среди такого большого количества людей и взглядов, направленных на него. Лишь близость доброжелательного Фан Пина помогала: он был не одинок. Даже девица Юй часто сопровождала их, отчего у нее и Мо Яна сложились если не дружеские, то хотя бы приятельские отношения. Она даже торжественно разрешила звать себя Жоули².

Какое-то время они были дружны, словно троица зимней стужи, — и улыбки согревали их в крепнущий мороз. Юй Хуа носила в столице очаровательную мамяньцзунь³ и отдыхала от изнурительных тренировок, Фан Пин все-

¹ Шесть искусств — знание ритуала и музыки, умение стрелять из лука и управлять колесницей, грамота и счет. Всем этим должен был овладеть «благородный» или «совершенный муж» древности.

² Официальное имя Юй Хуа — Жоули (кит. 柔力) — нежная сила.

³ Традиционная юбка времен династии Мин.

гда знал свежие слухи, а Мо Ян... а Мо Ян лишь благодаря им двоим не умер от голода, ведь все сбереженные деньги он благополучно потратил на книги. В первый же день.

О подробностях пребывания на императорской охоте он не писал в письмах ни матери, ни Гу Миню. Те увидели результат уже по возвращении юных заклинателей, когда Мо Ян собрал вещи, забрал Хэйшана из родительского дома и отправился жить в ближайший лес. Он лишь сказал матери, что общения с людьми на ближайшие годы ему хватило и он предпочтет заснеженную рощу теплоту кану, на котором его будут донимать расспросами.

В лесу Мо Ян скрывался целую неделю, пока общими усилиями его не выкурили оттуда, как лису из норы!

Что же еще произошло? Три года пролетели так быстро в ежедневных заботах, но и событий было достаточно. Мо Ян перерос учителя Бай на целую голову, получил парочку новых шрамов, духовное оружие и даже приличное имя! В прошлой жизни, еще при буддийском монастыре, церемонию совершеннолетия обездоленного щенка вызвался провести старший настоятель, он же и выбрал тогда имя. Несмотря на отречение от всех мирских страстей, он не отвернулся от просьбы Мо Яна. Мо Юэчэнь — красивое имя для некрасивого, непричесанного и несчастливового.

Как он тогда сказал? *«В твоей жизни было много несчастий, непозволительно много для юной души, но красоты дух не теряет со временем, так пусть не потеряют красоты и твои глаза».*

Мало кто считал проклятые глаза, видящие суть всех существ и вещей, красивыми. В новой жизни Мо Ян хотел во что бы то ни стало сохранить это имя ради старшего настоятеля. Пришлось пуститься на уловки и обман и привлечь для этого недовольного Гу Миня и еще более недовольного Бай Шанцюэ. Учитель Бай вызвался провести церемонию совершеннолетия для своего ученика, потерявшего на войне отца, но сколько же раз ему пришлось биться лбом и коленями, сколько раз писать письма и из-

водить бумагу, чтобы ненавязчиво — ненавязчиво! — убедить наставника выбрать именно имя Юэчэнь!

С духовным оружием, полагающимся каждому заклинателю, тоже не обошлось без проблем. Мо Ян непременно хотел себе чангунь, а кузнец Мулань, привыкший к классическим цзяням, пожелал уйти в отставку после такого заказа. Сам Бай Шанцюэ чуть было не сбросил несносного ученика с горы. Чтобы задобрить наставника и кузнеца, Мо Юэчэню пришлось чуть ли не снять с себя кожу.

Ван Ю вышел замечательным, таким, как он и хотел. Его чудесный, полезный и очень неприхотливый в использовании Ван Ю всегда помогал в дальних странствиях. Посох придавал мужчине облик если не отрекшегося от суетного бытия монаха, то хотя бы одного из секты нищих попрошаек. А перед такими, как известно, простой человек робел гораздо меньше, чем перед утонченным и хорошо одетым заклинателем. Как Бай Шанцюэ позволил такое безобразие? Очень просто: как бы ни ленился Мо Ян, он добился успехов в двух из трех направлений учебы, показывал стабильный рост духовных сил, а также водил близкую дружбу с Гу Минем.

Весьма близкую. Нас уже прозвали Юй Боя и Чжуном Цзыци¹, разве это не глупо?

Семейство Гу не обрадовалось решению сына разорвать помолвку с девой Юй, но каким-то хитрым способом Гу Миню удалось их успокоить и пообещать, что он обязательно вступит в союз с человеком, подходящим ему по душе. Союз заклинателей мог длиться дольше жизни простого человека, и нужда в продолжении рода была не такой острой, как у сына чиновника или принца. Поэтому Гу Цзэсиню позволили решать самому и слушать свое сердце — удивительная доброта!

Закончив основные этапы обучения в школе Мэйшань, Мо Ян и Гу Минь остались при ней в качестве моло-

¹ Отсылка к легенде о дружбе между музыкантом Юй Боя и обычным дровосеком Чжун Цзыци.

дых заклинателей, выполняя различные поручения и помогая старшему учителю с воспитанием учеников. В скором времени Мо Яну предстояло решить, остаться ли на Трехглавой горе окончательно и стать подобным брюзжащему учителю Бай, скрывающему свое молодое красивое лицо за усами и бородкой, или же отправиться странствовать в поисках иного предназначения. Отправляться в столицу сдавать государственный экзамен, как готовились к тому Вэнь Мин, и, в меньшей степени, Пэй Юань, он и не думал. Одного лишь взгляда на несчастного Вэня, буквально живущего в библиотеке за подготовкой, было достаточно, чтобы отвернуться от чиновничьей шапочки навсегда¹.

Пока матушка присматривала за Хэйшаном, а в одинокую, полную странствий и неизвестности жизнь Мо Яна не выгоняли, он предпочитал оставаться и бездельничать в школе в перерывах между поручениями.

Его силы, пускай и неторопливо, но пробудились. Как и в прошлой жизни, Мо Юэчэнь видел потоки ци у заклинателей и иньских тварей. От постоянного созерцания ярко-белых янских потоков у него неизменно под вечер болела голова. Боль всегда тревожила Мо Яна до самой тошноты. В прошлой жизни все тоже начиналось с нее, а затем он начал слышать голоса, видеть то, чего в действительности не было, и в конце концов барабанный гул свел его с ума, как и было предначертано.

Тебе осталось совсем немного мирной жизни, презренный пес.

Что же касается загадочного Астролога, тот покинул школы Трехглавой после соревнований и связывался с Гу Минем посредством писем. Последний то и дело пропадал на поручениях, но возвращался без серьезных ран и повреждений. Мо Юэчэнь волновался, как бы Люсинцзунши, этот шарлатан закутанный, не наставлял маленького шиди против него на их тайных встречах. Потому

¹ Футоу — обязательный атрибут древнекитайского чиновника.

старался следовать за младшим на всех его поручениях, а тот и рад был компании кого-то, кроме верной Фэн.

Они оказались так далеко от Трехглавой горы, во владениях западного клана Ши, как раз по очередному поручению проклятого Астролога. На личной встрече у подножья столицы он попросил Гу Цзэсиня предотвратить страшную трагедию в землях близ Юйлунхэ¹. Согласно рассказу шиди, иньская сущность повадилась таскать в воду девиц и младенцев. Жители вместо того, чтобы обратиться к клану Ши с прошением, предпочли молить о защите духа реки: готовили подношения и жертвоприношения. Быть может, дух и не требовал столь высокую цену за свою помощь, но и разобраться с иньской тварью, судя по всему, не смог. Сообщив Бай Шанцюэ, Гу Минь собрался в путь. Он мог вмешаться и даже получить для них разрешение на охоту, лишь назвав свое имя и показав причастность знаменитого Люсина-цзунши.

Мо Ян туда не рвался, но учитель Бай в последнее время не давал ему спокойно ловить рыбу², потому он напросился с Гу Цзэсином, лишь бы не слушать очередные наставления.

Пока Мо Ян пребывал в размышлениях, шиди сбавил ход и пошел с ним вровень. Мальчишка-пастушок был легким грузом. Его едва ощутимое дыхание в загривок Мо Юэчэню грело надеждой на то, что бедняга останется в живых.

— Дух был один? — вдруг спросил Гу Цзэсинь.

— Да, один. Как же глупо он, право слово, попался.

— А что с белой змеей?

Мо Ян остановился.

— Какой еще змеей? Я не видел ни одной иньской твари, кроме духа в мальчишке.

¹ Юйлунхэ — один из главных притоков реки Лицзян.

² Кит. 摸鱼 (mōyú) — выражение, которое имеет два значения: ловить рыбу и бездельничать, отлынивать от работы: рыбалка — дело несложное, не требует особых физических усилий. Отсюда и пошло выражение.